

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 года И МИРОВАЯ ИСТОРИЯ

В феврале 2017 г. в Институте всеобщей истории (ИВИ) РАН был проведен «круглый стол» «Русская революция 1917 года и мировая история», организованный Центром Североамериканских исследований, Центром Латиноамериканских исследований и Отделом истории XX века. Выступили доктора исторических наук В. В. Согрин, А. А. Шелчков, В. В. Дамье, В. К. Шацилло, А. М. Филитов, А. Ю. Петров, кандидаты исторических наук Н. П. Калмыков, И. А. Агеева и др. Предлагаем читателям наиболее интересные выступления.

Публикуемые материалы подготовлены С. А. Елисеевым.

Заседание «круглого стола» открыло выступление *В. В. Согрина*: По моему мнению, как Февральская, так и Октябрьская революции 1917 г. в России были исторически обусловлены. Февраль не смог решить задач, отвечавших чаяниям революционного народа, в первую очередь крестьянства, обратившегося, вопреки позиции Временного правительства, к самочинным захватам господской земли и присвоившего к кануну Октября 90% дворянских угодий. Октябрь поддержал эту революцию низов. Большевики оказались более восприимчивы к чаяниям народа, и Октябрь вывел революцию на социалистический путь.

Ленин был убежден, что социализм сможет восторжествовать, одержав победу во всемирно-историческом масштабе. Путь к ней лежал через мировую коммунистическую революцию. Венцом истории объявлялась всемирная смена капитализма социализмом. Такая перспектива была не приемлема для капиталистической системы, в первую очередь для самых развитых стран. Главными оппонентами советского социализма в межвоенный период оказались Англия и Франция.

Коммунистический Интернационал ориентировал все коммунистические партии на установление в их странах диктатуры пролетариата и советской власти. Вторым после России «слабым звеном» капитализма оказалась Германия, в конце 1918 г. сдавшаяся Антанте. В Германии началась революция, и советская Россия приложила усилия, включая материальную поддержку, чтобы германская революция повторила ее пример. Однако левые радикалы, следовавшие русскому образцу, были подавлены. В 1919 г. была подавлена социалистическая революция в Венгрии. В следующем году поражением завершилась попытка распространения советской власти на Польшу.

Рубеж 1920–1930-х годов ознаменовался радикальным изменением расстановки сил на мировой арене, как и тенденций советского социализма. Советский Союз приступил к осуществлению индустриализации экономики, добившись успехов. В то же время Запад в 1929–1933 гг. погрузился в самый тяжелый в своей истории экономический кризис, сопровождавшийся социально-политической дестабилизацией. Главным политическим следствием кризиса в Европе был подъем правого радикализма, высшей точкой которого стал приход к власти в Германии фашизма. Вследствие таких пертурбаций прежний основополагающий конфликт советского социализма и капитализма уступил место конфликту трех противоборствующих сил – социализма, либерализма, фашизма. Главным мотивом каждой из них являлась победа над двумя другими. Для достижения этой цели использовались любые средства, перед которыми отступали мораль и нравственность, свершались фантастические политические кульбиты. Социализм «усмирил» идею мировой коммунистической революции и протягивал руку не только социал-демократам, но и либералам в целях создания

в капиталистических странах антифашистских «народных фронтов». Но он никогда не доверял либералам, осознавал их желание направить удар фашизма против социализма и в «час X» был готов на согласие с фашизмом, если тот перенаправит свой главный удар против либерализма.

История распорядилась так, что со второй половины 1941 г. реальный социализм и либеральный капитализм вступили в альянс против тоталитарного капитализма. Это был вынужденный и с точки зрения исторической обусловленности временный альянс, которому суждено было распасться после победы над фашизмом. Победа была достигнута, альянс распался и перерос в «холодную войну» СССР и США, двух главных союзников по антигитлеровской коалиции. В ходе Второй мировой войны произошли радикальные геополитические пертурбации, важнейшей из которых, с точки зрения соперничества социализма и капитализма, стало утверждение социалистического Советского Союза на позиции мировой сверхдержавы, а второй такой сверхдержавой стали либерально капиталистические США.

В годы «холодной войны» социализм одерживал победы в слаборазвитых странах Азии, Африки, Латинской Америки, а либеральный капитализм был более притягателен в развитых странах, развивших под влиянием соперничества с реальным социализмом и как противоядие от него социальное государство. Происходила социализация либерального капитализма. Альтернативу советскому социализму в рамках развитого капитализма помогала пестовать социал-демократия. Соперничество СССР и США завершилось в конце 1980-х годов с роспуском СССР. На рубеже 80–90-х годов и Р. Рейган, и Дж. Буш-старший (президенты США 1981–1993 гг.) оценивали исход «холодной войны» как успех всего человечества без победителей и проигравших. Но после 1991 г. и краха СССР выяснилось, что такие оценки имели тактический характер, предназначались для того, чтобы не раздражать советского оппонента, но при этом вести с ним игру к итоговой выгоде для США. Уже в 1992 г. во время президентской избирательной кампании Дж. Буш-старший предъявил избирателям главную козырную карту республиканской партии: «Мы одержали победу в “холодной войне”». Для руководства страны и политического класса в целом это означало, что США по праву победителя и как единственному мировому лидеру принадлежит руководящая роль в формулировании и выстраивании нового миропорядка.

Претензии США на роль Римской империи после «холодной войны» обернулись катастрофическими последствиями. Наиболее глубокими они оказались в Ираке, завоеванном США в 2003 г. Серьезными осложнениями сопровождались отношения США с Латинской Америкой. «Левый» поворот в Латинской Америке начала XX в. сопровождался перипетиями, и во второй половине 2010-х годов он начал сдавать позиции. Но его опыт, как и опыт других континентов, свидетельствует, что либерально капиталистического «конца истории» не наступило и не может наступить. На самом деле цивилизационно-культурный плюрализм, обозначившийся в мировом пространстве в ходе и вследствие трансформаций 1980-х годов, это прочный мировой тренд. Неустрашим и конфликт социализма и капитализма. Социализм не может сохраниться в том виде, в котором он реализовался в СССР после 1917 г. Он будет реанимироваться в иных формах, но его ядро – тяга большинства человечества к социальной справедливости, что было первопричиной Октября 1917 года, – перманентна¹.

А. А. Щелчков: В осмыслении российской революции и ее значении для истории всего XX в. важным аспектом является рецепция революции в различных странах мира. В латиноамериканских странах, в частности в Аргентине и Чили, русская революция воспринималась многими интеллигентами в первую очередь как начало мировой гуманитарной революции и уж затем как начало всемирной эпохи освобождения пролетариата и новой эры справедливости и мира.

¹ Подробнее см. *Согрин В. В.* Российская революция 1917 года и перипетии мировой истории. – Новая и новейшая история, 2017, № 3.

Российская революция была воспринята левой интеллигенцией самого широкого политического спектра от левых либералов до социалистов прежде всего как единственный выход из тупика, перед которым оказалось человечество, ввергнутое во всемирную бойню Первой мировой войны. Именно это подчеркивали литераторы и политики от беспартийного либерала Х. Инхеньероса (Аргентина) до радикального социалиста Л. Рекабаррена (Чили). Именно эта идея всемирного значения революции в далекой и мало известной для латиноамериканцев стране объясняет, почему предшествовавшая хронологически Мексиканская революция (1910–1917 гг.) имела столь слабый отзвук в южноамериканских странах. Казалось бы, пример радикального социального переворота, националистической и аграрной революции в Мексике должен был произвести большее впечатление на местную интеллигенцию. Однако лишь десятилетия спустя мексиканский политический и социальный опыт приобрел в глазах левых большое значение, когда они анализировали мексиканские радикальные реформы и их идейное наполнение. В 1917–1920 гг. события в Мексике казались событием периферийного масштаба, а вот в России происходили процессы всемирного значения.

Латиноамериканцы с некоторым опозданием получали достоверные и полные сведения о событиях в России, информацию они черпали из сообщений английских и французских газет. И тем не менее они смогли увидеть в революции самое крупное мировое событие эпохи. Х. Инхеньерос отмечал, что только в конце 1919 г. была разорвана информационная блокада вокруг России и стали появляться важные сведения о ходе революции.

Исключительно влияние на латиноамериканскую интеллигенцию оказала книга о русской революции мыслителя и публициста Х. Инхеньероса «Новые времена» (1921 г.). Анализируя ужасы и несправедливости мировой войны, исследователь отмечает корысть империалистических держав в этой войне. Он выделял момент исторического перелома, когда борьба союзников из Антанты приобрела новое содержание в 1917 г. Причина этого – русская революция, освободившая республиканскую Францию от компрометирующего союза с самодержавием. К этому ставшему подлинно демократическому союзу стран добавилось вступление в войну американской демократии. Инхеньерос при всех симпатиях к американской демократии считал, что если В. Вильсон и А. Керенский представляли программу «минимум» демократии в мировом масштабе, то Ленин и Троцкий стали лидерами «максимализма», который способен произвести всемирный переворот.

Инхеньерос подчеркивал важность исторического момента: в европейской войне противостоят интересы народов и старых феодальных классов. О новых обстоятельствах он писал: «Мои симпатии с русской революцией, вчера с Керенским, сегодня с Лениным и Троцким, несмотря на все их ошибки»².

В 1919 г. Хосе Инхеньерос от имени всей левой латиноамериканской интеллигенции приветствовал российскую революцию, присоединился к движению солидарности с Россией, начатому Анатолем Франсом и Анри Барбюсом, к их призыву создать «Интернационал интеллигенции» на основе группы «Clarte». Эта идея союза прогрессивной интеллигенции, объединенной идеями гуманизма, пацифизма, антивоенной борьбы, интернационализма и солидарности с Советской Россией, гораздо больше привлекала латиноамериканских интеллектуалов, нежели пропаганда классово-гражданской войны³. Задачей этого Интернационала интеллектуалов всего мира стало бы создание Универсальной республики, где будут царить равенство, братство, всеобщий труд, коллективное обладание средствами производства, где не будет границ, но всюду будут царить солидарность и мир⁴. Результатом этого интер-

² *Ingenieros J.* Los tiempos nuevos. Reflexiones optimistas sobre la guerra y la revolución. Madrid, 1921, p. 61.

³ *Historia de América Latina*, t. 12. Barcelona, 1997, p. 77.

⁴ *Ingenieros J.* Op. cit., p. 76–81.

национала должна была стать всемирная духовная революция, начало которой было положено в России.

Инхеньерос выделял три главных достижения российской революции, которые свидетельствовали о ней как провозвестнице прогресса цивилизации. Во-первых, это политическое новаторство, предложившее новую форму федеральной системы, в ней на место традиционных парламентов придут органы власти, осуществляющие социальные функции, что в России представлено советами. Во-вторых, революция провозглашала «интегральное просвещение», т.е. такое народное образование, которое превращает гражданина в созидательного и полезного члена общества. В-третьих, средства производства и обмена будут социализированы, что приведет к исчезновению паразитических классов. Инхеньерос в предисловии ко второму изданию книги в 1921 г. выражал восхищение тем, что главному действующему лицу революции удалось удержаться у власти уже три года. Он писал: «Эта победа революции показывает беспомощность насилия перед моральной силой; победила нерушимая вера в идеалы справедливости, более сильные, чем все армии, все золото, дипломатия и предательство». Однако значение революции больше, чем ее победа в России, оно состоит в «духе обновления, которое уже сформировало новое сознание морали во всем человечестве». В работе, посвященной трехлетию революции в 1920 г. «Моральные силы революции», Инхеньерос поставил достижения русских революционеров выше свершений христианства, Возрождения и Французской революции.

Для Инхеньероса революционные процессы в России и Европе были продолжением пути, начатого в период Возрождения, принципам которого, зиждившимся в первую очередь на человеческой солидарности, на протяжении 400 лет противостоял феодализм, свергнувший Европу в мировую войну и почти погубивший цивилизацию. Он писал: «До сего дня насилие питало политическое и экономическое господство, сегодня над мусорной кучей империализма встает новая мораль, а этические ценности определяются Справедливостью... У новой эпохи две ведущие силы... труд и культура». Нации превратятся в «солидарные сообщества, вдохновляемые общими идеалами»⁵. Мировая война дала начало новой эпохе, которая нашла свое самое яркое выражение в русской революции, эпохи солидарности, морали, справедливости и достоинства, положившей конец рабству и разделению людей⁶.

Для Инхеньероса русская революция имела всемирное значение, ибо представила для человечества выход из пропасти варварства, в которую правящие круги, «замешлая олигархия», ввергли мир, развязав самую бессмысленную из войн в истории.

За Инхеньеросом пошли многие представители южноамериканской интеллигенции. Отблеск российской революции осветил творчество таких выдающихся литераторов, как уругваец Элиас Кастиельнуово, аргентинцы Роландо Мартель или Хорхе Луис Борхес, Конрад Нале Роксло, Родольфо Гонсалес Пачеко. Перу первого (он был русофилом, поклонником Достоевского и Андреева) принадлежат стихи «Варвары у ворот Петрограда» (1919 г.), в которых в яркой форме модернистского слога повторена идея угрозы варварства контрреволюции свету нового мира, зарождавшегося в России. Кастиельнуово называли «уругвайским Горьким». Для него защита Петрограда — это не только борьба за русскую революцию, но всеобщая битва за мечту и справедливость всех времен и народов.

Борхес с 1914 г. жил в Европе, где на него решительное влияние оказал Ромэн Ролан, также видевший в русской революции свет нового мира, освобождающего человечество от векового варварства. По возвращению в Буэнос-Айрес в 1921 г. он опубликовал стихи «Россия» и «Красная гвардия», в которых революционная страна на востоке Европы объявлялась «передовой траншеей» в битве за новый мир.

К. Нале Роксло в мае 1919 г. выпустил поэму «Песнь о России», меланхолическую повесть о счастье и человеческой солидарности, о которых теперь можно говорить как

⁵ Ibid., p. 11–14.

⁶ Ibid., p. 42.

принципах новой жизни. Гонсалес Пачеко приветствовал революцию как начало великой социальной революции: «Среди снегов, метелей и зноя, проклятий и проказы, вновь в России восстают Христос, Бакунин, Толстой и Ракамболь. Кругом бело, бело, бело, но ветер развеивает красное, красное, красное полотно. И вот свет! И слава дня! Социальная революция? Да! Да! Да!»⁷.

Роландо Мартелль, читавший в Париже Блока и Маяковского, оказавших на него большое воздействие, в поэме «1917 год» сравнивал Россию, Кремль с «бронзовым вулканом», предвестником мировых катаклизмов, свершающим историю, «свергающую с пьедесталов старых богов», где революционеры штурмуют бастионы самого Сатаны. Для Кастильнуово, Борхеса, Мартелля в России завершилась история, ибо там реализовалась утопия, о которой мечтали мыслители прошлого⁸.

Латиноамериканские левые литераторы воспринимали дело русских революционеров как начало всемирно-исторической революции, которая положит конец братоубийственному ходу истории.

В дальнейшем ситуация изменилась. В тех же Аргентине и Чили левые силы стали ориентироваться на большевистскую революцию и концепцию большевиков о мировой революции. Первое гуманистическое восприятие русской революции было оставлено в прошлом. Стала преобладать конфронтация между левыми, либеральными и консервативными силами, что привело в конечном счете к возникновению, с одной стороны, мощного коммунистического и левого движения в этих странах, а с другой – к выхолащиванию тех гуманистических идеалов, которых первоначально искали в российской революции как модели будущего мира без войн, без эксплуатации.

В. В. Дамье: Хочу порассуждать о периодизации российской революции, времени ее начала, этапов и окончания. Прежде принято было разделять Февраль и Октябрь, либо считая их двумя отдельными революциями, либо вообще не считая Октябрь революцией (в традиции антибольшевистской). Сегодня стали говорить о единой Великой российской революции, начавшейся в 1917 г., и это верно, поскольку она была единым процессом, и разрывать его на части кажется неправильным.

В то же время датой завершения Великой российской революции все чаще называют 1922 г., когда была восстановлена власть центрального правительства на большей части территории бывшей Российской империи. Между тем, как представляется, окончание революции следует датировать 1921 г.

Возможно, кто-нибудь скажет, что эти споры носят чисто академический и абстрактный характер. Это не так. За ними скрываются глубокие различия в понимании того, чем по сути была российская революция. При рассмотрении российской революции, к сожалению, до сих пор преобладает так называемый «взгляд сверху». Для большевистской традиции характер и содержание революции определяются знаменитой формулой Ленина о том, что главный вопрос любой революции – это вопрос о принадлежности государственной власти⁹. Отсюда вытекают и разделение на Февраль и Октябрь, и тезис о «буржуазности» первого при «социалистичности» второго. Интересно, что и противники большевизма исходят из того же самого посыла. Во всех этих случаях и для датировки, и для периодизации, и для характеристики революции определяющим оказывается то, кто именно находился у власти и какую политику он провозглашал или пытался проводить.

Между тем революция – это прежде всего мощнейшее движение народа, при котором он сам становится субъектом истории. Изучая общество и подобные социальные процессы, мы должны исходить не из того, кто стоял у власти и чего он хотел, а из того, что происходило «внизу», что непосредственно делали живые люди и какие социальные процессы происходили. Тогда мы не только обнаружим кардинальные

⁷ Цит. по: *Doeswijk A. L.* Los anarco-bolcheviques rioplatenses (1917–1930). Buenos Aires, 2013, p. 87.

⁸ *Ibid.*, p. 83–86.

⁹ *Ленин В. И.* Один из коренных вопросов революции. – Полн. собр. соч., т. 34, с. 200.

противоречия между «верхами» и «низами», противостоявшими друг другу в ходе революционных событий, но и увидим, что революционный процесс носил последовательный характер. Те социальные преобразования, что осуществлялись непосредственно массами «снизу» и которые допустимо оценить как социалистические (создание институтов общественного самоуправления – советов, рабочий контроль над предприятиями и рабочее управление ими, «общинная революция», т.е. захват земли крестьянскими общинами, домовое и квартальное самоуправление и т.д.), развернулись отнюдь не в Октябре по приказу большевистского правительства. Они начались вскоре после Февраля «снизу» и в основном стихийно. Октябрь во многом стал их результатом и, в свою очередь, придал им дальнейший импульс. Такая низовая революционная инициатива уже с начала 1918 г. «гасилась» новыми большевистскими властями, но местами продержалась именно до 1921 г.¹⁰

Другая частая ошибка, которую совершает мейнстрим исторической науки, не говоря уже об «обывательской историографии», – это сведение российской революции к действиям большевиков. Очень часто приходится слышать, что именно большевики сделали в России социалистическую революцию, а потом разжигали революцию мировую, что именно они возглавляли революционный процесс. Между тем и свержение Временного правительства в Октябре, и взятие управления в свои руки советами на местах, и тем более революционные события в других странах мира осуществлялись отнюдь не только одними лишь сторонниками большевизма, но своего рода левореволюционным блоком, в который входил целый спектр течений от левых социалистов до синдикалистов и анархистов, если вообще речь не шла, как бывало зачастую, о стихийных процессах. Нередко большевики или их приверженцы находились при этом в меньшинстве, а в странах Азии или Латинской Америки, например, даже в ничтожном меньшинстве.

Считается, что Великую российскую революцию 1917–1921 гг. следует рассматривать как часть общемировой революционной волны, которая началась в связи с Первой мировой войной и продолжалась приблизительно до 1921–1923 г. При этом во всех странах эта волна порождалась сочетанием и взаимным наложением факторов общесистемного, или мир-системного, связанного с мировой войной и ее последствиями, и «внутреннего», характерного для каждой отдельной страны, в которой вспыхивали революционные события, и бывшего следствием накопления «местных» социальных конфликтов и противоречий. В результате революции в различных странах приобретали тот или иной облик, а на первый план выходили различные социально-политические силы. Так, например, в европейских странах системного «центра» это были преимущественно «рабочие» революции, а в России наблюдались процессы «рабочей» революции в городе и «общинной революции» в деревне.

Принято утверждать, что революция в России одержала победу. Между тем рискну утверждать, что как социальная революция (не сводящаяся исключительно к большевикам) она потерпела поражение. Многие городские рабочие очень скоро осознали глубокое противоречие между своими самоуправленческими чаяниями и большевистской государственной централизацией. История Великой российской революции 1917–1921 гг. не сводилась только к борьбе красных и белых или центра с периферией. В ходе нее происходил гигантский подъем массовых независимых социальных движений, причем эти движения, выдвигавшие радикальные требования, направленные по существу на углубление социального характера революции, подавлялись и белыми, и красными, и национальными властями «окраин».

Разумеется, такое развитие событий нельзя считать случайным. Между чаяниями масс и политикой российских властей всех направлений в тот момент существовало непримиримое противоречие. Большинство российского населения инстинктивно

¹⁰ Одна из первых попыток систематически проанализировать Великую российскую революцию как социальный процесс «снизу» была предпринята участником событий, русским эмигрантом-анархистом В. Волиным: *Волин В. М. Неизвестная революция. 1917–1921. М., 2005.*

отвергало как возвращение к «старому порядку», так и проект форсированной индустриальной модернизации, насаждавшийся большевиками. И в этом контексте победа упомянутого модернизационного проекта и установление диктатуры форсированной модернизации, которую почему-то до сих пор продолжают называть «социализмом», было именно поражением российской революции как революции социальной¹¹.

В аналитическом плане допустимо проведение параллелей между Великой российской и Великой французской революциями. В обоих случаях каждый этап этих революций сопровождался борьбой между «партией порядка» и «партией революции», причем состав этих группировок и их устремления менялись в зависимости от данного этапа. В определенный момент, когда «партия порядка» не могла или не хотела решить насущные задачи, массы свергали ее, бывшая «партия революции» приходила к власти, сама становилась новой «партией порядка» и теперь уже стремилась остановить дальнейшее развитие революции, поскольку уже добилась того, чего она хотела. Народные массы же пытались продвигать революцию дальше, и тогда эта партия обращалась против них¹². Так произошло и с французскими якобинцами, и с российскими большевиками, которые в 1920–1921 гг. подавили рабочие, крестьянские и солдатские протесты так называемой «третьей революции». Их подавление и представляется окончанием Великой российской революции.

В. К. Шацлло: Соглашусь с В. В. Согриным в том, что истоки и причины Русской революции 1917 г. следует искать во внутренних обстоятельствах и особенностях государственного развития самодержавной России в начале XX в. Поиск внешних факторов в объяснении причин падения царизма и ссылки на действия каких-либо держав, якобы издавна заинтересованных в подрыве российской государственности, представляются антиисторическими. Следует поразмыслить о взаимосвязи внешнего и внутреннего факторов в связи с событиями февраля 1917 г. в нашей стране.

Не секрет, что еще в январе 1917 г. мало кто даже из злейших врагов царизма мог предсказать его столь скорое падение. Казалось, для этого в тот момент не было достаточно веских внешних и внутренних причин. После тяжелейшего 1915 г. — года «Великого отступления» — положение в русской армии стабилизировалось. Брусиловский прорыв, несмотря на незавершенность и очевидные ошибки в его проведении, показал, что у армии имеется достаточный резерв не только для эффективного сопротивления противнику, но и проведения крупных наступательных операций. Русские войска сдали Польшу и большую часть Литвы, но к началу 1917 г. находились в Галиции и Турции. «Снарядный голод» в значительной мере потерял свою былую остроту — частично за счет перестройки промышленности на военные рельсы, частично за счет увеличения необходимых стратегических поставок со стороны союзников и нейтралов — США, Японии, в меньшей степени Англии и Франции. Страна была полностью обеспечена продовольствием и оставалась единственной из всех воюющих держав, что не ввела повсеместной карточной системы на продукты питания.

Важнейшим, но до сих пор недооцененным событием начала 1917 г., стал разрыв отношений США и Германии. После него конкретный срок вступления в войну на стороне Антанты крупнейшей в экономическом плане страны мира стал вопросом если не дней, то недель. Военно-политическая ситуация, таким образом, кардинально изменилась в пользу Российской империи и ее союзников. Многим в странах Антанты на горизонте уже мерещилась скорая победа.

Благоприятное для России изменение стратегической ситуации после разрыва дипломатических отношений между Берлином и Вашингтоном совпало по времени с тяжелейшим внутривнутриполитическим положением в стране Центральных держав. Начало 1917 г. было периодом «брюквенной зимы» в Германии. Лето 1916 г. там было

¹¹ Подробнее см.: *Дамье В. В.* Стальной век. Социальная история советского общества. М., 2013.

¹² Динамика этого процесса на примере революции XVIII в. во Франции была хорошо показана П. А. Кропоткиным: *Кропоткин П. А.* Великая французская революция 1789–1793. М., 1979.

неурожайным, а находящаяся в блокаде страна и без этого испытывала острейший недостаток практически всех видов продовольствия. Население Второго рейха давно забыло, как выглядит мясо, а теперь погиб почти весь урожай картофеля. Стране не хватало самого необходимого, ограничения касались практически всего — от мыла до хлеба. Экономическая ситуация в союзной Австро-Венгрии была столь же плачевной, только там тяжелая ситуация с продовольственным снабжением накладывалась на глухое недовольство многочисленных национальных меньшинств.

Положение на фронтах также в начале 1917 г. отнюдь не предвещало быстрого успеха коалиции во главе с Берлином. В ходе Брусиловского наступления русской армии австрийцам пришлось оставить часть стратегически важной территории Галиции, а все попытки немцев добиться перелома на Западном фронте в ходе Верденского наступления потерпели полный провал. В имперском генштабе оставалось только наивно мечтать о том, что неограниченная подводная война германских субмарин заставит за несколько недель «поставить на колени» владычицу морей Британию и тем самым коренным образом изменит ситуацию на фронтах.

Согласно идейно-политическим теориям тех лет, казалось, что именно в Германии и Австро-Венгрии вот-вот должна вспыхнуть народная революция, к этому имелись объективные предпосылки. Война вслед за российскими Романовыми в конечном счете смела династии Габсбургов и Гогенцоллернов, но произошло это только после поражения Центральных держав в результате военной катастрофы. А вплоть до поздней осени 1918 г. и Берлину, и Вене удалось поддержать элементы социальной стабильности в своих странах и не довести население до революции. Их системы государственного управления оказались более устойчивыми по сравнению с Россией, хотя тоже имели серьезные изъяны.

В крайне сложной внутривнутриполитической обстановке удалось консолидировать свое население и союзникам России по Антанте — демократическим Франции и Англии. Поражения осени 1914 г. лишь утвердили их в твердой решимости драться «до последней крови».

Мало что с точки зрения вопроса о происхождении русской революции 1917 г. может прояснить и утверждение о том, что наш солдат устал от бессмысленного кровопролития и не хотел дальше воевать «за Проливы» и против мнимой «германской угрозы». Почему же тогда немцы и австрийцы не последовали их примеру и не стали браться, упорно продолжали воевать против «славянского варварства»? Почему примеру русских не последовали и англичане, также объявившие себя защитниками мировой цивилизации от притязаний «тевтонской орды»? Фактически четкую и ясную цель в ходе Первой мировой войны из крупных стран преследовали только французы, жаждавшие взять реванш за поражение во франко-прусской войне и вернуть себе утраченные Эльзас и Лотарингию.

Таким образом, Первая мировая война и вытекающие из нее соответствующие внешне- и внутривнутриполитические обстоятельства, хотя, безусловно, обострила существовавшие в стране социальные и экономические противоречия, не могла быть первопричиной русской революции. Ситуация, схожая с российской, а во многом и хуже, существовала в ведущих странах Антанты и у Центральных держав. Тем не менее правящим кругам в Лондоне, Париже, Вене и Берлине удалось при помощи адекватной политики не допустить революционного взрыва в своих странах.

Царизм рухнул не в силу каких-то отдельных, пусть и очень важных причин, связанных с перенапряжением в годы войны, а потому что к началу 1917 г. полусамодержавный строй безнадежно устарел и не мог решить ни одной из важнейших стоящих перед Россией проблем. После «первого звонка» — унижительного поражения в русско-японской войне и последовавшей за ней революции 1905–1907 гг. — царизм получил реальный шанс и достаточное время для модернизации страны, исправления допущенных ошибок. Однако этот печальный урок не пошел власти впрок. Все политические, экономические, военные, социальные и другие реформы в период от русско-японской до Первой мировой войны, несмотря на их очевидную необходимость,

проводились царем и подконтрольными ему министрами, как правило, бездарно, «из-под палки», и только под давлением неизбежных обстоятельств.

Государственный строй России 1917 г. и вся система управления империей совершенно не соответствовали требованиям XX в. Военная ситуация лишь обострила эти вопиющие проблемы и наглядно проявила отсутствие у царизма механизма и инстинкта к самосохранению. Сложная обстановка в стране только усугубила политическую изоляцию власти среди почти всех народов Российской империи, окончательно дискредитировала монархию. В результате против бездарной политики царя выступили не только крайне левые революционные радикалы или либералы из Государственной думы, но и высшее армейское руководство, и даже его собственная мать и братья. Самодержавие оказалось в России в полной и абсолютной изоляции. В феврале 1917 г. никто в стране не встал на его защиту. Также случилось и в СССР в 1991 г., когда никто не встал на защиту «великих завоеваний реального социализма». И это до сих пор остается одним из неувоенных уроков русской революции.

Н. П. Калмыков: Русская революция укладывается в ту же схему, что нам хорошо известна по Французской революции. Русская революция поднимается и выходит из берегов, потому что сами массы ее толкают. То же самое было и во время Французской революции. Конституционалистов свергли не жирондисты, а народ, жирондистов свергли не якобинцы, а тоже народ, и сами якобинцы боялись народа больше, чем аристократов. То же самое в России — от февраля до октября происходило движение влево, но оно происходило не так быстро, потому что сначала у власти находились октябристы при поддержке кадетов, затем кадеты при поддержке «эсэров» и «сдэков-меньшевилов», а затем было сформировано полностью социалистическое правительство. Огромные ожидания масс, однако, не удовлетворялись. Понятие «ожидания» является важнейшим социологическим термином по той причине, что оно начинает действовать именно тогда, когда массы приходят в движение. Большевики, в частности Ленин, это поняли. Он уловил это движение и тенденцию и нашел способ, с помощью которого можно оседлать эту революционную волну.

С точки зрения модернизации русская революция была интересным явлением. Модернизация состоит из экономической основы (промышленный переворот и индустриализация) и социальных процессов (исчезновение сословного общества и появление гражданского). Например, во Франции процесс разрушения сословного общества был быстрым, а в Англии постепенным. Третьим — политическим — компонентом модернизации является постепенный переход от «законсервированной» авторитарной власти к выборной.

Если эту матрицу примерить к России, то можно увидеть, что прогресс экономический был безусловным, так как страна развивалась чрезвычайно быстро. Социальные отношения остаются практически на уровне сословной монархии. Даже после революции 1905—1907 гг. сохраняется сословное разделение. Политическая власть полностью остается в руках дворянства и аристократии. Это очевидно. Любой крупный промышленник ненавидел российскую власть. И Рябушинский, и Морозов давали деньги на революцию, потому что старая власть была препятствием для их возможностей, они хотели сами создавать себе наиболее благоприятные условия. Первыми министрами и премьерами были исключительно дворяне. Ни один буржуа не мог находиться на главнейших государственных постах. Это было одним из главных побудительных мотивов революции — провести модернизацию. Самого слова тогда не знали, но все этого желали.

Февральская революция пыталась справиться с этой проблемой, но только Октябрьская революция смогла совершить коренной социальный переворот. Существует хороший пример произошедшей социальной трансформации: «Отец — Александр Аннинский, мать — Анна Александрова (не подгадывали — получилось произвольно). Отец — донской казак, мать — украинская еврейка. Встретились в красной Москве. Вряд ли такая встреча была бы возможна в прежней Москве, белокаменной, — для таких альянсов нужна революция, в ходе которой юные провинциалы кидаются

“завоевывать” опустевшую столицу, и еще: чтобы все старые – сословные и национальные – перегородки пали. Поэтому я фактом своего появления обязан Советской власти». Это мог бы сказать не только известный историк литературы и критик Лев Аннинский, но 90% всех, кто сидит в этой аудитории.

А. М. Филитов: Продолжая биографическую тему, начатую Н. П. Калмыковым, поделюсь некоторыми фактами и размышлениями личного характера для оценки российской революции. Оба моих родителя – происхождения самого что ни есть «низкого», из крестьян Тамбовской губернии, образование – церковно-приходская школа. И вот объективный факт: отец, 1890 г. рождения, ушел на пенсию в 1945 г. майором медицинской службы – фантастическая карьера для младшего сына в семье даже не бедной, а просто нищей. Мог ли он продвигаться вверх по социальной лестнице при старом режиме, включая тот, который возник после февраля 1917 г.?

Конечно, остается вопрос: удалось ли создать специалистов, хотя бы приближающихся по качеству к корифеям дореволюционной эпохи? Отца моего, хотя он и закончил мединститут (в 50 лет!), поскольку учился без отрыва от службы и врачебная квалификация была у него соответствующая, выручал только опыт. Наше поколение имело уже другие возможности. Нормальное высшее образование, открытая дорога в науку. И вот еще одна история личного характера: в 70-е годы я работал в штате Президиума Академии наук, на этом основании попал в академический справочник. Листая его, случайно наткнулся на знакомую фамилию – Палатов Константин Иванович, Ученый секретарь Института радиотехники и электроники. Это мой двоюродный брат, о котором раньше только и знал, что занимался он чем-то секретным и вроде еще при Сталине имел личную машину. Между прочим из семьи, едва-едва избежавшей раскулачивания. Один из тех, кто сделал нашу страну космической державой. Конечно, наши с ним заслуги нечего и сравнивать, но все же подумайте только: два выходца из одной ничем не примечательной деревни Карандеевки в одном списке рядом со звездами отечественной и мировой науки – опять фантастика! И тут уж можно сказать наверняка – без Октябрьской революции (пусть ее и называют ныне переворотом) это и осталось бы несбыточной фантазией. Если бы все остановилось на Феврале, в условиях частно-рыночного хозяйства, при «свободной игре» экономических и политических сил общества, тот уровень социальной мобильности в той форме, которая оптимальным образом соответствовала интересам максимально быстрого развития страны как промышленной и научной сверхдержавы, достигнут не был бы. Таково, во всяком случае, мое личное мнение.

Издержки? Огромные. Вернемся хотя бы к теме раскулачивания: далеко не все проявили такую смекалку и смелость, как отец Кости Палатова, который при первых признаках изменения государственной политики в отношении деревни решил бросить свое хозяйство, рвануть в Москву с женой (сестрой отца) и тремя детьми, с весьма проблематичной перспективой получить московскую прописку – хотя это «чудо» таки произошло. Сколько семейств оказались в ссылке, сколько погибло, сколько талантов пропало – страшно подумать! В нашей семье, как, видимо, в большинстве советских семей, не было принято обсуждать такие темы. Только в старших классах школы, уже в период «оттепели», я стал задавать «неудобные» вопросы и получать на них ответы, далеко не всегда меня устраивавшие. Спрашиваю отца: «Ты в 1917 г. был членом солдатского комитета, голосовал за большевиков на выборах в Учредительное собрание, после демобилизации стал председателем местного совета в Инжавине, почему же так и не вступил в партию?». К сведению представителей нынешнего поколения: для советского офицера не быть членом правящей партии – факт почти немислимый, удивляющий меня даже сейчас! Он отвечает: «За большевиков все тогда голосовали (я никак не мог его убедить, что это далеко не так!), поскольку обещали мир и землю, а с их коммунистическими идеями и с их политикой никогда не был согласен, частное хозяйство лучше». Рассматриваем старую фотографию: члены Инжавинского совета, или, наверное, его исполкома, одиннадцать серьезных мужчин, семеро сидят за столом, четверо стоят, на полотнище за ними, вероятно, красном, – надпись

«Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика», со стола свисает лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», хотя все еще по правилам старой грамматики с буквой «ять». Спрашиваю: «Ведь это все большевистское — и слова, и их смысл, значит это все тебе нравилось?». — «Ну, не понимал, во что это выльется, а когда понял, сразу ушел».

Факт несомненный: местным «боссом» он был недолго, вступил по мобилизации в Красную Армию, служил «лекарским помощником», что-то вроде фельдшера — как и на фронте Первой мировой. Получается матрица, давно принятая в западной (а с недавних пор — и в российской) историографии: большевики обманом захватили власть, подавили демократические устремления народа, установили режим произвола и террора, в результате чего те, кто поначалу их поддерживал, быстро в них разочаровались и либо начали с ними борьбу, либо в большинстве своем пошли по пути приспособления к жесткой, но нуждающейся в специалистах власти, удалившись в своего рода «внутреннюю эмиграцию». И только один раз мне была рассказана история, выходящая за рамки этой матрицы. Установившаяся в Инжавине власть нуждалась в деньгах, и поскольку никакого представления о системе финансирования госорганов ни у кого не было, решили обложить «контрибуцией» местных богатеев. Однако исполнить это решение оказалось делом трудным, если нереальным. Каждого члена исполкома подкупил «свой» богатей, посулив определенную мзду, чтобы тот стал своего рода его адвокатом. Когда дело дошло до подсчета вырученных средств, выяснилось, что все потенциальные источники наполнения бюджета оказались неимущими. Разразился скандал, в ходе которого все шишки свалились на голову одного из наиболее неумелых «адвокатов»: без лишних прений его постановили расстрелять. Если верить рассказу отца, он спас разоблаченного коррупционера, повторив Христово: «кто без греха, пусть первый бросит камень».

Так это было или не так — трудно сказать. Источники устной истории желательны перепроверять архивными документами. Однако при всем критическом отношении к данным источникам можно считать достоверными несколько фактов: во-первых, тенденции к развязыванию произвола и даже террора шли не только «сверху», но и «снизу», а во-вторых, самая широкая демократия на местном уровне никак не противостояла коррупции, а скорее даже в отсутствии общепризнанных законов и правил породила таковую.

И. А. Агеева: После Русской революции 1917 г. социализм серьезно дифференцировался и размежевался. Мечты о «социализации капитализма» высказывались задолго до пролетарской революции в России самыми разными мыслителями, философами, идеологами утопического и христианского социализма, критиками социального неравенства, эксплуатации, наживы и стяжательства. Россия приступила к построению коммунизма, опираясь на марксистско-ленинскую теорию. В ответ на Западе различные социал-демократические партии и социалистические группы отмежевались от марксистской теории и практики революционного насилия и содействовали практическому построению национальных «государств благосостояния». Речь шла о выработке политики, направленной на организацию государственной поддержки в обеспечении человека работой, доступной медициной, крышей над головой, образованием. И соответственно на поддержание социального мира и стабильности.

Если обратиться к опыту изучаемой мною Канады, то там социализм как влиятельное политическое движение утверждался на основе антикоммунизма, уважения частной собственности, кооперации, критики корпоративизма. И все это в немалой степени под влиянием русской революции. Суть социализма совершенно иная в сравнении с тем, что осуществлялось в СССР. Канада и сегодня остается верна своим социально-либеральным ценностям. Внутри сложной и развитой пенсионной системы Канады существует ядро, благодаря которому любой канадец получает деньги только потому, что является гражданином своей страны. Коррупция, которая сопутствует высоким государственным расходам и разрастающейся бюрократии, в этой стране также минимальна, что связано с сильной прессой, открытостью правительственных

институтов, политической конкуренцией, приверженностью социальным и демократическим ценностям.

Канадский опыт позволяет увидеть в социализации капитализма социально-либерально-демократический вариант капитализма. С характерным для этой страны консервативным налетом. В немалой степени влияние социал-демократических идей в Канаде обусловлено заботой о национальной независимости и единстве перед лицом соседа, США, олицетворявших торжество буржуазных свобод и индивидуализма, всегда искушавших и привлекавших определенные силы в Канаде.

В 1927 г. либеральный премьер-министр У.Л. Макензи Кинг, автор книги «Промышленность и человечность», пронизанной идеями о социальном партнерстве и уважении человеческого достоинства, делает дневниковую запись о том, что канадцы не желают, чтобы в их стране расцвел коммунизм. В этом же году канадцы получили первое универсальное, т.е. распространявшееся на всех жителей, независимо от места проживания, пенсионное законодательство. Скромное, с проверкой нуждаемости. То, что принято считать «государством благосостояния», развивалось в этой стране постепенно, поэтапно. Тяготы Великой депрессии, новые экономические теории кейнсианства и события Второй мировой войны способствовали распространению идей социального реформизма среди сторонников не только рабочих и фермерских организаций, но старейших консервативной и либеральной партий. В 1940-е годы федеральные власти ввели страхование по безработице, затем законодательство, направленное на поддержку семей с детьми. В 1944 г. в провинции Саскачеван партия «Федерация кооперативного сотрудничества» формирует первое в истории Северной Америки социалистическое правительство, опередив на выборах соперников из двух старых партий, и приступает к пионерской реформе медицинского обеспечения. Первым шагом стало введение общедоступного больничного обслуживания всех без исключения жителей провинции. Так, пока на провинциальном уровне, было положено начало системе государственной медицины. В 1950-е годы отменена унижительная проверка нуждаемости при назначении пенсий по старости.

Расцвет социального государства пришелся на 1960–1970-е годы, когда меры поддержки населения приобрели системный и масштабный характер. Канадский пенсионный план 1965 г. предусматривал общенациональную обязательную, основанную на взносах наемных работников и работодателей, пенсионную систему с гарантированным федеральным центром минимальным ежемесячным уровнем выплат. Особый «план вспомоществования» предусматривал помощь безработным на более благоприятных условиях по продолжительности и уровню выплат. Поддержку государства получили люди с ограниченными физическими возможностями, одинокие родители, родственники, занятые уходом за больными членами семей, и т.д., и т.п. Специальная программа предусматривала гарантированные доплаты к доходам бедных канадцев предпенсионного возраста. Федеральные власти планомерно улучшали условия льготного кредитования провинциальных строительных компаний, стимулируя возведение недорогого доступного жилья. Но главное достижение в процессе социализации общественного устройства касалось здравоохранения. Была, наконец, запущена общенациональная программа медицинского обслуживания с обязательным, гарантированным государством уровнем врачебной помощи.

Было бы ошибочно представлять социализацию общественно-экономических устоев в Канаде как бесконфликтный и исключительно радужный процесс. Принятие соответствующего законодательства в разные периоды сопровождалось дискуссиями, борьбой в парламенте и правительствах разных уровней, однако примечательно, что основные политические партии и движения не подвергали и не подвергают сомнению сам принцип социальной ответственности государства. Не возражают против государственной медицины и поддержки семей, выравнивания уровня жизни как в социальных стратах, так и в зависимости от места проживания. Пересмотр некоторых социальных программ и сокращение государственных расходов в 1990-е годы в Канаде был связан не с окончанием «холодной войны», а с объективными экономическими

и бюджетными затруднениями, дефицитами, высокой инфляцией. Вместе с тем удалось обозначить такие приемлемые для общества параметры сокращений, которые позволили сохранить социальный мир и устойчивое развитие. Меры реструктуризации и экономии в медицине, школьном и университетском образовании и муниципальном управлении освободили федеральное правительство от обязанности оплачивать половину социальных расходов провинций на вспомоществование, а улучшение экономического положения позволило в начале 2000-х годов вернуть заботам о здоровье приоритетное место.

В 2000-е годы государство продолжает финансировать, регламентировать и курировать важнейшие социальные сферы – медицину, занятость, пенсии по возрасту, инвалидности, помощь детям, образование. Все эти области относятся к провинциальной компетенции, поэтому социальная политика послужила мощным стимулом для совершенствования федерально-провинциального взаимодействия. Корректировка социальной политики, подчас болезненная, вызывающая критику, не значит, что страна отказывается от принципиальной установки сохранения государством ответственности за социальное благополучие. Государственный характер здравоохранения насчитывает больше полувека, сохраняется, поддерживается и защищается властями и населением. В отличие от США, где реформа в этой сфере вызывает острую политическую борьбу и протесты, в Канаде появляются новые инструменты диалога по социальным вопросам. Недавно возник Трибунал по социальному обеспечению, необычный независимый административный орган, который выносит рекомендательные решения по поступившим от граждан жалобам на неправомерный отказ в той или иной выплате по линии пенсий по старости, утрате трудоспособности, болезни, привлекая внимание общественности и управленческих структур. Состояние социальной сферы находится в центре политической жизни благодаря постоянному давлению слева, со стороны «третьей» силы, социалистической Новой демократической партии (НДП), которая на выборах 2015 г. уступила часть своей электоральной поддержки либералам Джастина Трюдо. НДП готовит пересмотр программы, объявила о намерении бескомпромиссной борьбы против неравенства доходов, эрозии отдельных социальных программ, апеллируя к недовольным «неолиберальной» политикой премьера, и имеет все шансы восстановить популярность среди бедных и уязвимых слоев населения, доля которых, по опросам общественного мнения, увеличилась до 44%. Это высокий и тревожный показатель. В Канаде мало кто знает и помнит о революционных потрясениях столетней давности в далекой России, но процесс «социализации капитализма» как одно из фундаментальных последствий тех событий при всех поворотах и осложнениях приобрел в этой стране перманентный и необратимый характер.

А. Ю. Петров: Говоря о развитии идей революции после 1917 г. в странах Западной Европы и Америки на современном этапе, стоит отметить концепцию «третьего пути», которая была разработана советником премьер-министра Великобритании Э. Блэра Э. Гидденсом и подчеркивала обособленность как от левой, так и от правой идеологий с присущими им политическими крайностями. «Третий путь» – это определенный поиск альтернативы, или компромисса, при соединении двух элементов: рыночной экономики и социальной справедливости вкуче с повышенным вниманием к человеческому фактору. Эта концепция получила название «этического социализма».